

в позднейшие эпохи: диалекты и развивались в значительной мере вследствие обособления соответствующих групп населения. Однако уже в эпоху капитализма... в связи с проникновением капиталистических отношений в деревню языковое общение между носителями разных диалектов значительно расширяется. Особенно расширяется оно в эпоху социализма. Наши стройки сталинских пятилеток явились и являются местом, где происходит широкое междиалектное общение" (213). Перечислив разные пути воздействия литературного языка на диалекты, Р. И. Аванесов делает вывод: „Все это приводит:... к известному двуязычию носителей современных русских диалектов: наряду с местным диалектом они в какой-то мере владеют и общим литературным языком, хотя бы пассивно...

Применительно к описанным условиям общую фонетическую систему современного русского языка в целом, включая его диалектные разновидности, можно считать реальностью не только в структурно-языковом отношении, но также и как явление культурно-историческое, т. е. как целостное средство общения" (213).

Признание „целостного языкового общения" основой „языковой реальности" представляет очень важный вывод, который и должен быть положен во главу угла при выяснении „общей фонетической системы русского языка" в синхронном отношении. Это и констатируется автором: „признав русский язык в целом со всеми его диалектными разновидностями языковой реальностью в определенном, выясненном выше аспекте, мы тем самым признаем и возможность его синхронного описания" (213).

Но в какой мере выяснение фонетической системы русского языка в целом базируется на этом понятии „целостного языкового общения"? И приходится констатировать, что это важнейшее положение в дальнейшем остается неиспользованным.

Так, говоря о разных аспектах исследования, Р. И. Аванесов решает вопросы с точки зрения исследователя, а не носителей языка и их общения. Пользуясь аналогией с каланчей и аэрофотоъемкой, он отходит от признания системы языка на основе целостного языкового общения говорящих и разворачивает перспективы „разных аспектов исследования" языка (214), доказывая „реальность" всякого рода обобщений в исследовании языка. Легко видеть, что это другая задача и другая „реальность". Ведь, поднимаясь всё выше, исследователь может обобщать всё более далекие системы языка: 1) русский и польский, 2) русский и литовский. Конечно, в известном смысле можно назвать „реальностью" устанавливаемые между ними соответствия с чертами сходства и различия (как это делает сравнительный метод).

Однако совсем иное дело, когда мы поставим вопрос, представляют ли литовский и русский языки такую объединенную систему, которая обслуживает общение представителей этих языков. Очевидно, что такой „языковой реальностью" они не являются. А, разворачивая возможности все более широких обобщений на основе сравнительного метода, Р. И. Аванесов совсем не ставит вопроса, где же „потолок" для восхождений исследователя, где пределы языка с его „целостным языковым общением".

И в дальнейшем все вопросы ставятся именно с точки зрения исследователя, а не с точки зрения общения говорящих. Об этом говорят выдвигаемые Р. И. Аванесовым соответственные явления в разных говорах. Они представляют собой результаты обособленного развития диалектов, обусловленного отсутствием между ними общения. Таково, например, различие в одном диалекте двух фонем и совпадение соответствующих звуков в одной фонеме в другом диалекте: *с'ено, с'ила*, — *с'ино, с'ила; кон'чал, конца* — *кон'ц'ал, кон'ц'а* (215).